

сительных и акцентологических норм и отклонений от них, планомерная регистрация новых слов и выражений, характеризующих закономерности развития лексики современного русского языка, регистрация лексики и фразеологии публицистической, ораторской и художественной речи для изучения стилистических закономерностей развития современного русского литературного языка. Эти материалы составят основу специализированных картотек.

Кроме теоретической разработки принципов нормализации и стилистического упорядочения литературных языков и создания научных трудов, важнейшей задачей сектора является широкая пропаганда по всем вопросам культуры речи, интересующим советскую общественность, и помощь всем организациям, непосредственно заинтересованным в повышении культуры речи. В этой связи сектор должен будет расширять и углублять свою тематику. Так, например, театр и радиовещание заинтересованы не только в установлении твердых норм литературного произношения или правильного ударения в случаях колебаний, но и в разработке вопросов интонации, стилей сценического произношения, вопросов певческой орфоэпии. Сектор с помощью кафедр сценической речи должен поставить на очередь научную разработку этих вопросов и обсуждение их на специальных совещаниях. Для пропаганды научных знаний в области культуры речи в школе чрезвычайно важно установление контакта в работе с Академией педагогических наук РСФСР.

Сектор культуры речи — сектор нового типа. Он призван разрабатывать проблематику, которая должна непосредственно удовлетворять запросы советской общественности. Это — важная и почетная задача. Разработка теоретических вопросов и практических заданий в области культуры речи — одно из звеньев повышения социалистической культуры советского народа. Работы в области культуры русской речи будут содействовать выработке принципов нормализации и стилистического упорядочения литературных языков всех народов Советского Союза. Для осуществления своих задач сектор нуждается в широкой помощи общественных организаций, а также специалистов-языковедов, которые могут принять участие в разработке отдельных сторон тематики сектора культуры речи.

С. И. Ожegov

ОБСУЖДЕНИЕ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ БОЛГАРСКОЙ ГРАММАТИКИ

С 12 по 14 мая 1952 г. в Институте славяноведения АН СССР проходило совещание, посвященное обсуждению проспекта книги «Основные вопросы болгарской грамматики», над которой в настоящее время работает группа болгароведов института (С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Ю. С. Маслов). В разработке темы принимают участие также научные сотрудники других учреждений: В. В. Бородин (МГУ), М. И. Матусевич (ЛГУ). Один из разделов (ударение) будет написан Л. А. Булаховским. Завершение работы планируется на 1955 г.

С докладом «Состояние и задачи научного изучения современного болгарского литературного языка» выступил руководитель авторского коллектива проф. С. Б. Бернштейн. Он определил задачи и общее направление работы, указав, что интенсивное научное изучение грамматики современного болгарского литературного языка началось совсем недавно. Докладчик подчеркнул, что во многих болгарских грамматиках отсутствует понимание системы языка, что выражается в недифференцированном подходе к современным и древнейшим процессам, в частности, в неумении разграничить позиционные фонетические изменения звуков и морфологические чередования. Впервые попытался разграничить эти явления Л. Андрейчин — автор одной из лучших болгарских грамматик. Проф. Бернштейн указал, что без успешного разрешения теоретических вопросов невозможно создание капитальной научной грамматики болгарского языка. Это определило задачи, объем и направленность книги «Основные вопросы болгарской грамматики», разработка которой строится на обследовании большого круга литературных текстов, начиная с середины XIX в.

Работа будет состоять из введения и шести частей. Во введении будет изложено учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка. Особое место будет уделено критическому обзору трудов по болгарской грамматике, что даст возможность авторам сформулировать свои общеграмматические приемы и методы исследования. Первая часть книги будет посвящена основным вопросам фонетики и фонологии болгарского языка, графике и орфографии. Она будет построена на основе тщательного экспериментального исследования болгарского литературного произношения. Во второй части будет дана общая характеристика грамматического строя болгарского языка. Эта часть будет состоять из двух разделов: а) грамматические средства болгарского языка и определение его формального строя и б) понятие отдельного слова применительно

к болгарскому языку. Основная задача — определение соотношения «аналитических» и «синтетических» средств в болгарском языке. Вторая часть будет написана по завершении работы над последующими частями.

Третья, самая обширная, часть, озаглавленная «Основные вопросы морфологии и синтаксиса», будет состоять из семи следующих глав: а) части речи в болгарском языке и их грамматические категории; б) выражение синтаксических отношений имени в болгарском языке; в) категория определенности и неопределенности в болгарском языке; г) употребление энклитических местоимений и «двойных форм» личного местоимения; д) вид и время; е) проблема так называемых определенных и неопределенных времен и пересказывательного наклонения. Кроме того, будет внесена еще глава о принципах морфологического членения, необходимость которой выяснилась после составления проспекта, в ходе работы над глагольными формами. Четвертая часть будет посвящена некоторым вопросам словообразования; в пятой будет дан очерк болгарского ударения; в шестой будут освещены некоторые вопросы синтаксиса простого предложения.

Заканчивая характеристику плана работы, проф. Бернштейн указал, что в решении кардинальных вопросов грамматики у авторского коллектива нет расхождений. По отдельным конкретным вопросам болгарской грамматики у авторов имеются различные мнения, в частности, по вопросу о категории определенности и неопределенности. Некоторые вопросы, поднимаемые в проспекте, по которым нет расхождений у авторов, вызывают критическое отношение со стороны лингвистов, не входящих в авторский коллектив. К таким вопросам принадлежит, например, вопрос о падежах в болгарском языке.

Доклад «Об изучении функций предлогов в болгарском языке» сделала канд. филол. наук Е. В. Чешко. В этом докладе были поставлены два вопроса: 1) вопрос о том, что считать падежными отношениями в болгарском языке и какую роль в выражении этих отношений играют предлоги, и 2) вопрос о задачах и методах изучения синтаксических отношений имени, выражаемых предложными сочетаниями. Докладчик считает, что термин «падеж» следует употреблять только для обозначения тех синтаксических отношений, которые имеют в языке особые падежные формы. Часть существительных в болгарском языке (местоимения, личные имена существительные мужского рода) образует особые падежные формы именительного, винительного и дательного, о которых только и можно говорить, как о формальных категориях, характеризующих падежную систему болгарского языка. Наличие этих форм, хотя бы в части слов, позволяет пользоваться ими как эталоном при определении круга значений данного падежа. Исследовать указанные формальные категории — это значит не только определить значение данной формы, но вскрыть все способы, при помощи которых передается данное падежное значение в словах, не имеющих соответственной падежной формы.

В сложной системе выражения синтаксических отношений имени существительного (включая местоимения) болгарского языка выделяются две группы отношений: 1) собственно падежные отношения, выражаемые системой падежей, соответствующих по своему значению так называемым грамматическим падежам индоевропейских языков; 2) синтаксические отношения, которые нельзя назвать падежными, так как они не имеют в болгарском языке падежного выражения и передаются сочетаниями предлогов с так называемой общей падежной формой. Эти отношения соответствуют отношениям, передаваемым в индоевропейских языках конкретными падежами. Это главным образом локальные и обстоятельственные значения. Звеном, объединяющим эти две системы, являются предложные конструкции, в которых предлог утратил свое реальное значение и превратился в простой показатель данного падежного отношения. В такой роли в болгарском языке выступает предлог *на* в конструкциях, имеющих значение дательного падежа (приглагольного и приименного). Эти конструкции с предлогом *на* должны быть включены в систему дательного падежа. В отличие от болгарских грамматик центральным вопросом исследования станет вопрос о предложном употреблении имени, а вопрос о собственном значении предлогов займет в нем подчиненное положение.

Прения по прочитанным докладам начались с ознакомления участников совещания с отзывами, присланными из Болгарии сотрудниками Института болгарского языка, в том числе известным болгарским лингвистом А. Теодоровым-Баланом, и из Чехословакии кафедрой славянских языков Пражского университета. И в зачитанных отзывах, и в последовавших затем выступлениях советских лингвистов было признано, что исходные теоретические положения, лежащие в основе обсуждаемого проспекта книги, являются правильными.

У большинства выступавших вызвало сомнение выделение категории состояния. Так, П. С. Кузнецов считает ее лишней не только для болгарского, но и для всех вообще языков. Э. А. Якубинская указала на морфологическую неопределенность этой категории, требующей дополнительного детального исследования. Н. С. Поспелов, однако, согласился с авторами проспекта и признал возможное выделение в болгарском

языке категории состояния, но отметил также, что она получила в этом языке более слабое выражение, чем, например, в русском, и объяснил это, сославшись на Милетича, тем, что болгарские глаголы совмещают в себе значения действия и состояния.

Дискуссия в основном развернулась по двум вопросам: по вопросу о категории определенности и неопределенности в болгарском языке и по вопросу о выражении «падежных отношений» в болгарском языке. Крайнюю позицию по первому вопросу заняла В. В. Бородич—автор соответствующего раздела предполагаемой книги,—которая считает категорию определенности и неопределенности очень продуктивной в болгарском языке, охватывающей всю грамматическую систему (и имя, и глагол, и прилагательное, и наречие). Сохранение форм аориста, наряду с формами перфекта, в болгарском языке в отличие от русского, например, объясняется В. В. Бородич именно развитием категории определенности и неопределенности. Пересказывательные формы рассматриваются также как известный этап в развитии этой категории.

Ю. С. Маслов, указав на закономерность постановки вопроса в отношении неопределенного члена, отметил полную необоснованность точки зрения В. В. Бородич, подчиняющей всю грамматическую систему болгарского языка борьбе двух начал: определенности и неопределенности. В результате обсуждения этого вопроса авторскому коллективу было предложено снять из проспекта формулировки и терминологию, предпрещающую какое-либо определенное решение предполагаемого исследования значения глагольных форм в болгарском языке.

При обсуждении вопроса о предлогах выявилось различие во взглядах на количество падежных форм в болгарском языке и на возможность переноса падежных форм местоимений на существительные. В ответном слове Е. В. Чешко заявила, что остается на занятых ею позициях. Она подчеркнула, что для признания падежа в качестве морфологической категории существительного достаточно наличия падежей в местоимении, поскольку обе эти части речи в плане синтаксическом ничем не отличаются и выступают в тех же самых функциях.

Третий доклад «Проблемы классификации болгарского глагола» был прочитан канд. филол. наук Ю. С. Масловым. Он указал на необходимость исторического подхода к классификации болгарского глагола, поскольку морфологическое членение грамматических форм в разные эпохи будет производиться по-разному. Используя работы русских лингвистов (Богородицкого, Бодуэна де Куртенэ и др.), докладчик сформулировал общие принципы морфологического членения. Опираясь на них, он дал новую интерпретацию трех спряжений в болгарском языке. Он справедливо усмотрел принципиальное различие, существующее между так называемым третьим, «новым», как он условно его назвал, спряжением, с одной стороны, и первым и вторым, «старым» спряжением — с другой. Это противопоставление проявляется как в строевании основ, так и во флексиях. В «новом» спряжении все без исключения формы одного глагола образуются от одной и той же основы, всегда оканчивающейся на *a*; в «старых» спряжениях формы каждого глагола образуются от двух разных основ, настоящего времени и аориста. Внутри «нового» спряжения нет никаких дальнейших подразделений; внутри каждого из двух старых спряжений имеет место более дробное морфологическое членение, связанное с различиями в соотношении двух главных основ, с особенностями дополнительных вариантов основ и с различиями акцентных типов.

Прения по докладу подтвердили правильность теоретических посылок Ю. С. Маслова. Все единодушно признали, что он верно понимает суть исторического подхода к глагольным формам, и согласились с выдвинутым им принципом морфологического членения.

И. К. Бунина

НЕИЗДАННАЯ КНИГА АКАД. Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Институт языкознания АН СССР подготавливает издание избранных трудов акад. Ф. Ф. Фортунатова. При просмотре в связи с этим его неопубликованного рукописного наследия, хранящегося в Архиве Академии наук в Ленинграде (фонд 90), нами была обнаружена рукопись, не отмеченная в печатном описании архива акад. Ф. Фортунатова, составленном в 1926 г. С. Ереминым¹. В весьма тщательной архивной описи, составленной в 1940 г. покойной С. А. Шахматовой-Коплан, дочерью акад. А. А. Шахматова, рукопись эта значится под № 21—23 (опись 1), с указанием общего заглавия книги: «Об ударении и долготе в балтийских языках».

Рукопись — чистовая, писалась в разное время, вполне подготовлена к печати и состоит из трех частей. Первая часть (79 листов с оборотом, тетрадного формата) имеет заглавие: «I. Ударение в прусском языке». Она была напечатана в виде отдель-

¹ См. С. Еремин, Архив акад. Ф. Ф. Фортунатова, «Известия по русскому языку и словесности [АН СССР]», Л., 1928, т. 1, кн. 1, стр. 245—249.